

ИСТОРИЯ ФИНАНСОВ И УЧЕТА

П. Н. Клюкин¹

канд. экон. наук, старший научный сотрудник Института экономики РАН (Москва)

КРУГООБОРОТ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОДУКТА В РУССКОЯЗЫЧНОЙ «ТРАДИЦИИ ТУГАН-БАРАНОВСКОГО»: Н. И. БЕРНШТЕЙН И Л. В. КУРСКОЙ

Российская аналитическая традиция в теории воспроизводства и кругооборота общественного продукта, начавшаяся с двух работ М. И. Туган-Барановского о предельной полезности благ как причине их ценности (1890) и о периодических промышленных кризисах (1894), спустя десятилетие обнаруживает любопытную неоднородность и раздвоенность. Выход в свет «Экономических очерков» В. К. Дмитриева единой книгой (1904), рецензия на нее А. А. Чупрова, находящегося в плотной научной переписке с В. И. Борткевичем (Чупров, 1905, с. 284—285)², а также немецкий вариант «Теоретических основ марксизма» Туган-Барановского (1905) инициировали магистральный вариант развития традиции. В этом направлении следуют сначала критические работы Н. Н. Шапошникова о теории прибыли О. фон Бем-Баверка (Шапошников, 1906; Schaposchnikoff, 1907), затем статья на ту же тему Борткевича (Bortkiewicz, 1906a), вызвавшая полемику с Х. Освальтом (Oswalt, 1907, s. 1281 ff.; Bortkiewicz, 1907a). Далее Борткевич осуществляет масштабные исследования по теории ценности в «Капитале» Маркса 1906—1907 гг. (Bortkiewicz, 1906b; 1907b), приведшие к формулировке «проблемы трансформации стоимостей в цены производства»; и сразу же за ними следуют итоговые построения Г. А. Харазова (Charasoff, 1909; 1910), которые по своему содержанию и глубине разработки Марксовой экономической теории ведут непосредственно к «Производству товаров посредством товаров» П. Сраффы (Sraffa, 1960; Сраффа, 1999).

Все это время Туган-Барановский продолжал держаться исходной аргументации своей теории рынка, никак не реагируя на происходящие события. Второе издание «Кризисов» (1900) и два русских издания «Теоретических основ марксизма» (1905) показывают, что построения Дмитриева в теории ценности, опубликованные им по частям в период 1898—1904 гг., не оказали на Михаила Ивановича никакого влияния. Теоретическая оппозиция по основным политико-экономическим проблемам, явным образом возникшая между Туган-Барановским и Дмитриевым в 1904—1905 гг., так и не будет преодолена; но вскоре она захватывает и других представителей традиции. «Лекции по политической

¹ Эл. адрес: kpn@yandex.ru

² Из письма В. И. Борткевича А. А. Чупрову от 10 октября 1904 г. (№ 75): «Ты прав, заметив, что такое сочинение, как “Очерки” Дмитриева, в России проходит незамеченным. Но это применимо будет и к Твоим заметкам в “Известиях” вашего Института. Мой совет: пиши на подобные темы... по-немецки!» (Борткевич, Чупров, 2005, с. 96).

экономии» (1907) и «Основы политической экономии» (1909) Туган-Барановского свидетельствуют об игнорировании им вклада Борткевича, который в своей решающей статье по «проблеме трансформации» начинает анализ теории Маркса с обработки схем воспроизводства именно в модифицированном варианте Туган-Барановского (Bortkiewicz, 1907c)¹. В 1908—1909 гг. сначала Шапошников, а затем Дмитриев опубликовали критические рецензии на «Основы», опять же оставшиеся без ответа (Шапошников, 1909, с. 48—49; Дмитриев, 1909, с. 102—121). «Социальная теория распределения» (1913), создаваемая Туган-Барановским в соответствии с принципом независимости ее от теории цены и ценности², противостояла точке зрения позднего Дмитриева³ (а также П. Струве) и «Теории ценности и распределения» Шапошникова (1912). Наконец, 3-е издание «Кризисов» (1914) свидетельствует о той же «авторитарной» тенденции Туган-Барановского не только в теории рынка (и примыкающей к ней теории ценности), но и собственно в теории кризисов. Не говоря уже об оставшейся без отклика критике его построений со стороны Г. Харазова⁴, Туган-Барановский умалчивает о новых теориях в этой области, из которых особенно нужно упомянуть теорию перенакопления М. Бунятына (Бунятын, 1915 [1907])⁵.

Очевидно, Туган-Барановский не нуждался в том, чтобы далее участвовать в традиции, инициированной его же собственными произведениями⁶. Вместо этого в рамках созданных им кружка, просеминария (с 1909/10 учебного года) и семинария политической экономии в Санкт-Петербургском университете он обучает своим идеям молодежь, формирует круг единомышленников, при участии коллег — В. М. Гессена, И. И. Кауфмана, П. И. Люблинского — издает «Вопросы обществоведения» (1909—1911).

Однако если сравнить в целом уровень разработки проблем теоретической экономии в этом «органе академической и научной жизни» с указанной выше традицией, то несоответствие оказывается очевидным. Л. И. Форберт в своей трактовке теории прибыли Бем-Баверка (Форберт, 1909) стоит неизмеримо ниже Шапошникова и Борткевича; В. Миллер будто бы ничего не слышал о разра-

¹ Апеллируя к немецкому варианту «Теоретических основ марксизма» (1905), Борткевич отмечает, что схемы Туган-Барановского представляют исключение из правила не критического отношения к методу Маркса в III томе «Капитала» (Bortkiewicz, 1907c, s. 319). Но особенно показателен его итоговый вывод: «Туган-Барановскому не удалось доказать независимости органического строения капитала от нормы прибыли... Утверждение [такой связи] делает полностью безосновательным как раз схемы самого Туган-Барановского» (Bortkiewicz, 1907c, s. 335).

² Теории ценности и распределения методологически несоединимы и должны исследоваться «совершенно различными логическими методами» (Туган-Барановский, 1913, с. 13).

³ Не случайно Дмитриев, считавший невозможным включение «социального момента» в систему абстрактно-дедуктивной теоретической экономии, выступил с критической рецензией против сторонника Туган-Барановского в этом вопросе С. И. Солнцева (Дмитриев, 1912, с. 9—14).

⁴ См. его гл. 4 «О различии между утопическим и научным социализмом» (Charasoff, 1909, s. 23 ff.), а также гл. 13 «[Первая] Критика закона снижающейся нормы прибыли» в основной книге (Charasoff, 1910, s. 153 ff.).

⁵ По словам В. Я. Железнова (1927), «Туган-Барановский был очень горд своей теорией. И она действительно была для своего времени большим шагом вперед и весьма способствовала развитию исследований промышленных кризисов не только в России, но и во всем мире... [Однако], несмотря на свою большую эрудицию, Туган-Барановский был относительно мало информирован о новостях в области исследования экономической конъюнктуры. Он не уделял этому должного внимания, считая свою теорию недостижимой, и не обращал внимания на тот факт, что молодые ученые России [прежде всего М. Бунятын и С. А. Первушин. — П. К.] идут уже по новому пути, указывая на недостатки его теории» (Историки экономической мысли России..., 2003, с. 293; Клюкин, 2008b, с. 1152).

⁶ «Как ум интуитивный, он не имел особой склонности к выработке научной системы: М. И. был слишком отзывчив на запросы момента и в своем научном творчестве слишком чутко отражал изменчивые настроения и запросы жизни общественной среды» (Кондратьев, 1923, с. 1; цит. по: Кондратьев, 2004, с. 776).

ботках Дмитриева в теории ценности и прибыли Рикардо и рассматривает последнего чуть ли не наравне с Джеймсом Миллем (Миллер, 1911)¹; В. Гиршвельд не прибавляет ничего существенно нового к формулировкам Столярова (Столяров, 1902), но при этом полностью игнорирует тезис Дмитриева, высказанный в 1909 г. (в рецензии на «Основы» Туган-Барановского) о том, что теорема не может дать «органического синтеза» трудовой теории ценности и теории предельной полезности и повторяет, по существу, законы Госсена (Гиршвельд, 1910). Показателен также не всегда адекватный уровень подготовки участников кружка политической экономии по истории мысли, как это явствует из отчета о его работе за 1909—1910 гг.² Кроме того, уделяя значительное место освещению академической и научной жизни Санкт-Петербурга и Москвы в каждом из выпусков «Вопросов обществоведения», редакция вовсе — как бы специально — не упоминает имен Дмитриева, Шапошникова и Борткевича, не говоря уже о Харазове³.

На общем фоне пересказа слушателями идей, сформулированных Туган-Барановским в своих многочисленных книгах и статьях, выделяется статья Н. И. Бернштейна, поначалу заслушанная в качестве доклада в семинарии политической экономии в 1909/1910 академическом году (Бернштейн, 1911)⁴. Как мы постараемся показать, эта статья вместе с более поздним исследованием Л. В. Курского (Курской, 1916) образует своеобразную воспроизводственную традицию, созревшую исключительно на российской почве. Интересная сама по себе, она еще раз подчеркивает значение работ Дмитриева, Шапошникова, Борткевича и Харазова, проясняя ряд взаимоотношений между ними.

1. Исследование Н. И. Бернштейна

Начнем с того, что высокая оценка, данная Туган-Барановским этой статье за ее математическую обработку⁵, не должна вводить в заблуждение: она была спровоцирована совершенно выпадающим из контекста ее рассуждений «стандартным» выводом Бернштейна: «мы видим, что Марксов анализ рынка не был продуман до конца, а потому учение М. И. Туган-Барановского надо признать шагом вперед, завершающим анализ Маркса» (Бернштейн, 1911, с. 59). Между тем, уже в содержательных прениях по докладу В. Ф. Миллер проницательно подметил, что «все выводы докладчика по основным интересующим научную мысль вопросам рынка получены им независимо от этих математических выкладок» (Вопросы обществоведения..., 1911, с. 335).

¹ Об этом Туган-Барановский даже специально упоминает в 3-м издании «Кризисов» [1914] (цит. по: Физиократы..., 2008, с. 877). О действительном вкладе Джеймса Милля в политическую экономию и о его (и Сэя) сравнении с Рикардо см. в «Предисловии» Сраффы к трудам Рикардо [1951] (Рикардо, 2007, с. 897—900, 927—930, 931—934).

² Например, доклад М. В. Серебрякова на тему «Ричард Кантильон и литературные судьбы его „Essai sur la nature du commerce en general“», заслушанный на последнем, 8-м заседании, «прений не вызвал — не потому, что все были согласны с выставляемыми его автором положениями, а потому, что члены кружка незнакомы с теми материалами, которые докладчиком были положены в основу его доклада» (Вопросы обществоведения..., 1911, с. 324—325; ср.: Дмитриев, 1909, с. 102 и сл.).

³ Из всех молодых участников этих собраний особенно выделяется Г. Г. Швиттау, см. его статью (Швиттау, 1910).

⁴ Этот год был специально посвящен проблеме рынка; кроме доклада Бернштейна, поставленного последним, было еще два доклада (всего проведено по ним шесть заседаний): В. Ф. Миллера о теории рынка Сэ—Рикардо (три заседания), Б. И. Элькина «Учение о рынке Сисмонди» (первое заседание).

⁵ Сначала в заключительном слове по докладу: «...приводимые докладчиком математические выкладки имеют большое значение для лучшего уяснения интересующего его вопроса» (Вопросы обществоведения..., 1911, с. 335—336), а затем в 3-м издании «Кризисов» (цит. по: Физиократы..., 2008, с. 911).

Кроме того, нужно помнить, что схемы самого Туган-Барановского, о которых идет речь, были не окончательным, а промежуточным решением проблемы. Так, переход от схемы 1, моделирующей простое воспроизводство, к схеме 2 (расширенное воспроизводство) показывает, что Туган-Барановский не доходит до разделения товаров на «базисные» и «небазисные» в смысле позднейшей теории Сраффы (Клюкин, 2008а, с. 29—30). Наталкиваясь на проблему подразделения товаров — ибо есть такие, которые в процессе капитализации прибыли (вследствие равномерного роста всех отраслей промышленности) становятся «никому не нужными», и такие, «которых будет недостаточно на рынке», Туган-Барановский указывает на необходимость изменения распределения национального производства, т. е. вводит специфическое условие пропорциональности (Физиократы..., 2008, с. 909). Если же следовать позднейшей теории, то Туган-Барановский при переходе от простого к расширенному воспроизводству не учел, получается, один из аспектов «прибавочного продукта», так как следовал Марксовой теории прибавочной стоимости (Сраффа, 1999, с. 37—38, § 6).

Перспективные идеи Бернштейна лежат поэтому на перекрестии логического анализа, очищенного от математики, и указанного перехода от простого воспроизводства к расширенному. Выделяя два вида производства — по ценности и по качеству (синоним технологии), он предполагает, что такой переход не совершается мгновенно, а требует для себя как минимум одного подготовительного года, в течение которого «производство еще неизменно по ценности, но уже изменилось по качеству» (Бернштейн, 1911, с. 40). Он доказывает, что при постоянстве уровня техники это условие сводится к падению доли предметов потребления. Если теперь мыслить процесс в рамках структуры схем воспроизводства в варианте Туган-Барановского, т. е. как производство, состоящее из трех отраслей: производство средств производства (1-я сфера), производство предметов потребления рабочих (2-я сфера), производство предметов потребления капиталистов (3-я сфера), то одного подготовительного года для перехода оказывается недостаточно. В этот год сферы 1 и 2 расширились за счет сферы 3, но постоянный капитал в сфере 1 не мог увеличиться в этом же году. Поэтому требуется 2-й подготовительный год, в котором «должно быть произведено больше средств производства для средств производства» (Бернштейн, 1911, с. 41).

Производя аналогичное рассуждение для предметов потребления (равных сумме предметов роскоши и предметов необходимости), получаем — коль скоро их количество должно быть сокращено — тот же результат: два подготовительных года и концентрацию постоянного капитала в 1-й сфере. «До каких пор можно продолжать это рассуждение? Очевидно, до тех пор, пока не дойдем до такой ступени изготовления постоянного капитала, продукт которой, по своей натуральной форме, может войти либо в одно, либо в другое подразделение общественного производства» (Бернштейн, 1911, с. 42). Бернштейн не говорит, в какие два именно, но по логике его рассуждения очевидно, что это 1-я и 2-я сферы. Но это значит, что такое восхождение оставляет за бортом предметы роскоши, т. е. предметы потребления капиталистов, которые, таким образом, приобретают статус небазисных.

Здесь же Бернштейн, причем еще до работ В. Леонтьева 1927—1928 гг. и примерно в одно время с Харазовым, приходит к идее ступеней производства и рассуждает в духе, похожем на «эффект Рикардо» в исполнении Сраффы¹. Его ука-

¹ «Таким образом, количество лет, подготавливающих расширенное воспроизводство, зависит от количества ступеней производства, отделяющих те продукты, ценностное соотношение коих подлежит изменению в 1-м году расширенного воспроизводства, от продуктов, которые, по своей натуральной форме, способны служить средствами производства, хотя бы отдаленными, и для одних, и для других из этих подлежащих перераспределению продуктов» (Бернштейн, 1911, с. 42).

знание на то, что «нужно иметь в виду все элементы производства перераспределяемых продуктов», т. е. что число ступеней должно быть максимальным, очень близко подходит к «производственному ряду» Харазова, т. е. к конструкции вида $X_t - X_{t-1} - X_{t-2} - \dots - X_{t-n}$, где X_t есть конечный продукт производства, X_{t-1} и т. д. — капиталы 1-го и т. д. вплоть до n порядка, его произведшие, «—» — знак произведения в экономическом смысле; этот ряд «обладает замечательным свойством — в нем каждый член является продуктом последующего и в то же время капиталом для предшествующего, и исследование этого ряда является необходимым для изучения всех теоретических вопросов политической экономии» (Charasoff, 1910, s. 120)¹.

Бернштейн не выражает свои мысли в готовых понятиях, а скорее нащупывает логику построений и местами свободно следует ей; вот почему его вклад становится заметным, только если держать в уме указанную воспроизводственную традицию. Но также чувствуется, что что-то мешает сделать ему последний шаг. В то же время понятно, почему от рассуждений Маркса и Туган-Барановского он выходит сразу на уровень Харазова и Сраффы в разработке теории кругооборота: ведь Борткевич, применяя в своей критике Маркса метод из «Экономических очерков» Дмитриева (Bortkiewicz, 1907b, Heft 1, s. 34—35), в итоге полностью потерял связь схем воспроизводства Маркса — Туган-Барановского с «Экономической таблицей» Кенэ. Поэтому в цепочке Туган-Барановский — Дмитриев — Борткевич — Харазов два средних звена оказываются как бы потерянными.

Очевидно и то, что уровня, близкого к лучшим образцам воспроизводственной логики, он достигает в те моменты, когда не связывает себя изначально с особенностями мысли Туган-Барановского. Прямая связь с физиократическими идеями Харазова видна из следующего рассуждения Бернштейна: «До какой степени можно расширять производство средств производства за счет производств предметов потребления? Возможно ли расширять одно за счет другого безгранично, при условии только пропорциональности, или же имеются какие-либо пределы этому перераспределению общественного производства?» (Бернштейн, 1911, с. 51). Схемы Туган-Барановского дают положительный ответ: возможно любое расширение, так как накопление капитала создает дополнительный спрос не только на рабочие руки, но и на средства производства. «Но самая возможность того, чтобы возрастающее количество средств производства реализовалось внутри 1-ой сферы во все большем и большем размере, [Туган-Барановским] не исследуется; исследование же этого должно свестись к анализу обменов внутри 1-ой сферы» (Бернштейн, 1911, с. 52). Последнее означало бы исследование кругооборота исключительно в сфере «базисных товаров»; эту задачу и решал Харазов, имея перед собой неправильный, по его мнению, метод «исчисления ценности и цены» Борткевича применительно к Марксову понятию постоянного капитала с.

Однако и в рассуждениях Бернштейна можно наблюдать движение в этом перспективном направлении; он приходит к осознанию того, что схемы Туган-Барановского не лишены недостатков. Таковых два: во-первых, они доказывают возможность роста общественного производства при одновременном сокра-

¹ «Так, чтобы доставить больше каменного угля производству средств необходимости за счет производства роскоши не нужно ни одного подготовительного года, но с одним каменным углем отрасль предметов необходимости еще не увеличит производства: чтобы изготовить больше ткани, нужно в предыдущем году изготовить больше пряжи, для этого еще раньше изготовить больше льна и т. п. Поэтому число подготовительных лет определится наибольшим числом ступеней, через которые проходит какой-либо элемент производства подлежащих перераспределению продуктов. Таков закон перехода от простого воспроизводства к расширенному...» (Бернштейн, 1911, с. 43).

щении общественного потребления лишь при *данном* соотношении потребления и производства, а не при любом; и, во-вторых, главное, что они — своего рода арифметические задачи на отыскание и удержание условия пропорциональности¹. Произведенного Харазовым радикального отказа от (лежащей в основе схем) теории прибавочной стоимости Маркса $Q = c + v + m$ в пользу принципа «зерновой модели»² Бернштейн, однако, не совершает. В начале статьи он признает относительную (сравнительно с Марксом) ошибочность взглядов Кенэ³.

Поэтому Бернштейну ничего не остается, как следовать за Туган-Барановским и принять два условия, при которых возможен рост общественного производства при одновременном сокращении общественного потребления: это пропорциональность производства и наличность естественных богатств земли (Бернштейн, 1911, с. 53). Разбирая первое условие, Бернштейн доходит до мысли, что в отличие от классиков политической экономии Туган-Барановский с помощью своих схем выражает не естественное, а *организованное* равновесие спроса и предложения; поэтому различие теорий рынка Туган-Барановского и классиков заключено не только в аргументации (к чему склонялся, кстати, сам Туган-Барановский), но в существе вопроса, т. е. в принципиальной критике закона Сэя о невозможности общего товарного перепроизводства. Эту мысль о превосходстве точки зрения Туган-Барановского Бернштейн выражает очень четко и недвусмысленно⁴.

Но наряду с такой передовой позицией он опять не делает попытки непредвзято посмотреть на связь, существующую между логикой построений Туган-Барановского и Кенэ. Дело в том, что теория кризисов Туган-Барановского естественным образом следовала из выраженного в его схемах принципа *организации хозяйственной жизни*, ибо описывала уже не упорядоченное целое,

¹ Бернштейн четко осознает, что Туган-Барановский решает задачу на пропорциональность: «при построении этих схем предполагается данным, что доля предметов потребления должна во столько-то раз пасть, а далее решается арифметическая задача по следующим соображениям: если производство должно так-то возрасти, а производство 2-ой сферы [производства предметов потребления] должно так-то пасть, значит — производство 1-ой сферы [производства средств производства] должно таким-то образом возрасти...» (Бернштейн, 1911, с. 52).

² В качестве модели для определения нормы прибыли Харазов вернулся к доктрине «чистого продукта» Кенэ; тем самым он восстанавливает равенство по значимости живого и мертвого труда в теории кругооборота. В приводимом им примере «ежегодно высевается 100 мер зерна и 200 собирается в качестве урожая; могло бы показаться, что чистый продукт в 100 мер, представляя собой годичный продукт труда, является продуктом только живого труда, а 100 мер, предназначенных для посева на следующий год, как бы лежат в хранилище (Speicher). Но такое представление неверно: в каждой мере зерна-урожая содержится половина мертвого и половина живого труда, так как чистый продукт невозможно было бы создать без участия мертвого труда... Таким образом, в потребление переходит половина продукта обоих видов труда, и точно так же половина продукта мертвого и живого труда откладывается для посева на следующий год» (Charasoff, 1909, s. 6—7).

³ «Прежде чем перейти к ответу на вопрос теории рынка, укажем на отношение его к вопросу о ценности. Он решается совершенно независимо от той или иной теории ценности. В этом едва ли не причина ошибочности анализа Кенэ. Он решал вопрос на основе определенной теории ценности, именно теории, приписывающей создание ценности лишь земледельческому труду. Маркс избежал этой ошибки. Для решения вопроса требуется только признание того, что благодаря труду рабочего продукт приобретает большую ценность, чем имел, причем прирост ценности больше полученной рабочей заработной платы и истраченных для получения этого прироста средств производства. Этого положения, несмотря на все разномыслие по вопросу о ценности, никто отрицать не может, ибо отрицание это было бы отрицанием существования прибыли» (Бернштейн, 1911, с. 32).

⁴ «...Между самими тезисами имеется глубочайшее различие: с одной стороны — естественное равновесие, с другой — равновесие искусственное; с одной стороны — невозможность общего перепроизводства, с другой — возможность отсутствия общего перепроизводства» (Бернштейн, 1911, с. 55).

а реальное капиталистическое хозяйство с присущими ему чертами неорганизованности, антагонистичности и империалистической экспансии, да к тому же оснащенное работающим кредитно-денежным механизмом. Но точно такая же структура теории была у Кенэ в его работах 1765—1767 гг.: сначала «Экономическая таблица» 1766 г., описывающая общественный идеал, а затем две экономических *Problèmes*, которые указывали пути выхода из «болезненного», т. е. неравновесного состояния.

Таким образом, Бернштейн не осуществляет возврат от «старой басни» Смита—Сэя—Рикардо о невозможности общего перепроизводства товаров к Кенэ и его доктрине «чистого продукта» в качестве первого варианта «зерновой модели». Любопытно, что это все же не мешает Бернштейну удерживаться на перспективном направлении; причина в том, что он не оставляет в покое условие пропорциональности Туган-Барановского и пытается выяснить, выполняется ли главный результат его схем — что при любом соотношении производства и потребления производство можно распределить так, чтобы «нормальность рынка» не нарушалась, помимо этого условия. Существуют ли объективные пределы расширения сферы производства средств производства? В решении этого вопроса, который не был исследован Туган-Барановским (см. выше), Бернштейн — что показательно — применяет не математический, а «логический анализ ряда лет расширенного воспроизводства *при том условии, что производство средств потребления не возрастает*» (Бернштейн, 1911, с. 55). Возрастает, значит, производство средств производства; но если вспомнить рассуждение об углублении в генеалогию производственного процесса путем отматывания его состояния в обратном направлении на ряд лет (или логику поиска первых причин), это возрастание потребует в конечном итоге роста производства 1-й отрасли 1-й сферы¹.

Мысль Бернштейна снова, во второй раз, вырывается на свободу, в неисследованную область; и опять в этот момент он поднимается на уровень лучших достижений политико-экономической теории воспроизводства. «Если теперь вообразим ряд ступеней производства, через которые проходит продукт, то должны будем сказать, что, поскольку продукт идет только прогрессивно, т. е. неизменно переходит с низшей ступени на высшую, постольку увеличение в 1-ой сфере должно повлечь за собой увеличение во 2-ой сфере. Но лишний продукт, производимый на какой-либо ступени 1-ой сферы, не может и неизменно оставаться на этой же ступени, ибо, если продукт, производимый на данной ступени, может стать средством производства на той же ступени, он будет неизменно оставаться в тех предприятиях, где он изготовлен, а, при таком предположении, предприятия производили бы добавочный продукт и, значит, делали добавочные расходы, но не получали бы добавочных доходов, что нелепо. Итак, увеличение, при наших условиях, может пасть лишь на такие продукты, которые, направляясь с низших ступеней 1-ой сферы на высшие, с высших идут снова на низшие². Значит, увеличение должно пасть на те продукты, которые можно назвать круговращающимися. *Итак, увеличение падает на круговращающийся продукт производства средств производства для средств производства*» (Бернштейн, 1911, с. 55—56).

¹ В русле представления схем воспроизводства Туган-Барановского как
$$\begin{cases} Q_1 = c_1 + v_1 + m_1 \\ Q_2 = c_2 + v_2 + m_2 \\ Q_3 = c_3 + v_3 + m_3 \end{cases}$$
 это

означает, что проблема заключена в исходном росте элемента c_1 . Ср. с представлением схем Бортевичем (Рикардо, 2007, с. 33).

² «Из двух ступеней производства я называю низшей ту, продукт которой является необходимым средством производства для другой, так что *одна и та же ступень может явиться и низшей и высшей по отношению к другой* (курсив мой. — П. К.), поскольку их продукты обмениваются как средства производства» (Бернштейн, 1911, с. 56).

В этом фрагменте Бернштейн мыслит не только в терминах «производственного ряда» Харазова, но логически доходит и до его обобщающей конструкции «воспроизводственного капитала» (Reproduktionskapital), под которым понимается сумма капиталов $X_{t-1}, X_{t-2}, \dots, X_{t-n}$, рассматриваемых уже не во временном, а в пространственном разрезе, и воспроизводящихся каждый год с приростом в виде продукта X_t , переходящего опять же каждый год в общественное потребление (Charasoff, 1910, s. 140—141). Но если Харазов, следуя логике «зерновой модели», использует свои новации в генеалогии рядов производства для более точного, чем у Маркса, определения цен товаров и нормы прибыли¹, то Бернштейн ограничивается иллюстрацией сказанного в рамках трехступенчатого строения 1-й отрасли 1-й сферы: добывания угля, добывания руды, машиностроения (Бернштейн, 1911, с. 56).

Описанный им кругооборот продукта, производимого этими тремя производственными процессами и перераспределяемого между собой, вполне согласуется с принципом «Экономической таблицы». Однако в отсутствие четкого осознания идеи «чистого продукта» Бернштейн при развитии своей модели опять вынужден вспоминать об ограничивающих предпосылках схем Туган-Барановского; если раньше это была пропорциональность, то теперь — закон убывающего плодородия, т. е. (в интерпретации Туган-Барановского) факт границы естественных богатств почвы. И хотя Бернштейн признает, что этот закон, в принципе, не может «поставить предел расширению круговращающегося продукта» (Бернштейн, 1911, с. 56), его тезис о «вполне мыслимом безграничном расширении производства средств производства в указанной нами области на счет производства средств потребления» выглядит в итоге компромиссом со схемами Туган-Барановского².

Особенно ярко этот компромисс виден на фоне двух новаций, произведенных впоследствии Сраффой, который, во-первых, обнаружил именно в этом «законе убывающего плодородия» применительно к Рикардо новый вариант «зерновой модели» (!) и, во-вторых, дал на этой основе критику схем воспроизводства Туган-Барановского—Борткевича³. Видимо, авторитет Туган-Барановского был настолько высок, что отметив в конце статьи недостаточность разработки Марксом вопроса о внутренней организации 1-й сферы производства, вследствие чего «ему и в голову не приходило, что взаимная зависимость производства 1-й и 2-й сферы может изменяться» (в соответствии со схемами Туган-Барановского)⁴, Бернштейн делает вывод о завершении Туган-Барановским анализа Маркса.

¹ Вводя понятие первого капитала или «пракапитала» (Urkapital) K , он устанавливает $K' = (1 + R)K$, где R — максимальная норма прибыли или максимальный темп роста 1-й отрасли 1-й сферы, а K' — величина «пракапитала» в начале следующего периода производства (Charasoff, 1910, s. 112, 124).

² Ср.: «С этой оговоркой [речь идет о такой организации процессов производства, изготавливающих круговращающийся продукт, когда они соединяются внутри единого треста, т. е. находятся в одних руках; тогда размер общественного производства всецело зависел бы от размера общественного потребления. — Л. К.] теорию М. И. Туган-Барановского мы признаем правильной» (Бернштейн, 1911, с. 57).

³ «...Весь аргумент Тугана и Борткевича основывается на предположении совершенно разных органических строений в производстве трех подразделений..., из чего они получают две разные нормы прибыли, соответственно, путем пересчета в ценах и в стоимостях. Они даже не находят затруднений в случае равного органического строения в производстве средств производства, используемых во всех трех подразделениях!» (архив Сраффы: D1/91: 11).

⁴ «Маркс, анализируя обмены между 1-ой и 2-ой сферой, часто рассматривает, например, всех капиталистов 1-ой сферы как одного собирательного капиталиста I... И если он, при анализе обменов 1-ой и 2-ой сферы, представлял себе всю 1-ую сферу как одно предприятие, то от него неизбежно должно было ускользнуть то обстоятельство, что 1-ая сфера может избежать зависимости от 2-ой, что она может расширяться, тогда как 2-ая суживается» (Бернштейн, 1911, с. 59).

Тем не менее проблема была им поставлена, и заключалась она в исследовании возрастающей величины «круговращающегося продукта» в 1-й производственной сфере. Отметим, что в связи с этой проблемой Бернштейн процитировал центральный в теоретическом отношении фрагмент из первого издания «Теоретических основ марксизма», который и стал отправной точкой в исследовании Л. В. Курского¹.

2. Исследования Л. В. Курского

В 1916 г. Л. В. Курской, о котором не удалось найти никаких биографических сведений², опубликовал брошюру о теории рынка и кризисов Туган-Барановского (Курской, 1916). Он начинает с выяснения понятия «хозяйства» и формально отталкивается в своих рассуждениях не от Туган-Барановского, а от С. Н. Булгакова и П. Струве. Но его критика «хозяйства» в понимании Струве, т. е. как «субъективного телеологического единства рациональной экономической деятельности или хозяйствования», позволяет расширить горизонт рассмотрения проблемы и, кроме Булгакова, с которым он солидаризируется, и Туган-Барановского, с которым он соглашается лишь отчасти, включить первую зрелую работу В. Леонтьева по методу «затраты—выпуск» 1928 г. (Леонтьев, 2006; цит. по: Физиократы..., 2008, с. 933 и далее).

В начальных параграфах своей статьи Леонтьев тоже выступает против телеологических элементов в понимании хозяйства как единого целого, а также против искусственного разделения категорий «техники» и «хозяйства». И если девиз современной экономической теории он усматривает в положении «Хозяйство как кругооборот», то Курской — в тезисе: «Хозяйство как синтез технической и общественно-потребительной пропорциональности»³ или же, его собственными словами: «Хозяйство как *планомерная совокупность хозяйственных действий*» (Курской, 1916, с. 14). Общим следует признать и тот критический пафос, которым пропитаны оба исследования; но если у Леонтьева это более общая работа по «расчистке завалов в старом здании теории», то целью работы Курского было «взвесить степень вероятности и логической

¹ «Пусть все рабочие вплоть до одного будут замещены машинами; в таком случае, этот единственный рабочий будет приводить в движение всю колоссальную массу машин и с их помощью производить новые машины и предметы потребления капиталистов. Если же капиталисты в своей страсти к накоплению пожелают сократить и свое собственное потребление, то и это вполне осуществимо; в этом случае сократится производство предметов потребления капиталистов, и еще большая часть общественного продукта будет состоять из средств производства, предназначенных для дальнейшего расширения производства. Будет производиться, напр[имер], уголь и железо, которые будут идти на дальнейшее расширение производства угля и железа. Расширенное производство угля и железа за каждый последующий год будет поглощать уголь и железо, произведенные в предыдущем году, и так до бесконечности, пока не будут исчерпаны естественные запасы соответствующих минералов» (Бернштейн, 1911, с. 53). Этот фрагмент был перенесен из первого издания «Кризисов» (1894) и сохранен без изменения и в 3-м издании 1914 г. (Физиократы..., 2008, с. 920).

² Само это имя было открыто сравнительно недавно (Белых, 1995, с. 73). Неясно, прежде всего, принадлежал он к числу учеников Туган-Барановского или нет; но, во всяком случае, имя его в «Вопросах общественного бытия» и других печатных изданиях подобного рода не упоминается.

³ Пропорциональность понимается Курским как планомерность, как наличие плана. Его мысль о том, что «рациональное осуществление плана мы встречаем только в изолированном домашнем замкнутом хозяйстве» (Курской, 1916, с. 12), прямо имеет в виду «трудопотребительский баланс» А. В. Чаянова. Любопытно, что первая практическая работа Леонтьева по построению «Экономической таблицы» для экономики США [1936] (Физиократы..., 2008, с. 1019 и далее) в части трактовки проблем сельского хозяйства тоже существенно сближается с точкой зрения Чаянова (Физиократы..., 2008, с. 10, 1029—1032, 1035—1039).

обязательности абстрактной теории рынка и теории кризисов Туган-Барановского»¹.

Рассмотрение технической пропорциональности, при которой ставится задача рационального распределения общественного труда «как бы в сфере одной потребности», как раз и приводит Курского к задаче Бернштейна. Но он подходит к ней, если можно так сказать, с предельной степенью общности: определение соотношения частей производственного процесса, т. е. соотношения количеств различных промежуточных благ, необходимых для получения конечного блага, не предполагает теперь уже апелляции к схемам воспроизводства Туган-Барановского. Что же было сделано Курским?

Во-первых, Марксова теория прибавочной стоимости заменяется идеей «чистого продукта» или натурально-вещественного излишка. В таком случае нет необходимости ограничивать анализ редукцией рабочих к машинам «вплоть до одного» и следить за тем, чтобы как минимум один рабочий оставался на производстве для соответствия формуле $Q = c + v + m$. В отсутствие *концептуальной связи* модели Курского со схемами Туган-Барановского лежит одна из причин, почему фраза Туган-Барановского о том, что «ничего не стоит построить новую схему, в которой все рабочие вплоть до одного будут заменены машинами», приведена Курским не перед формулировкой своей модели, а позже (Курской, 1916, с. 35) и служит уже критике теории рынка Туган-Барановского. Курской в своем существе повторяет возврат Харазова от Маркса к Кенэ.

Во-вторых, сфера производства средств производства, т. е. 1-я отрасль 1-й сферы, по терминологии Бернштейна, рассматривается с помощью изолирующего метода. Курской абстрагируется от теории потребительского спроса или «хозяйственной общественно-потребительной пропорциональности» и тем самым уходит от «органического синтеза» в варианте Туган-Барановского — его «теоремы о пропорциональности предельных полезностей благ их трудовым стоимостям» (Гиршфельд, 1910). Его точка зрения на производственный процесс, разворачивающийся независимо от теории полезности, сродни точке зрения Леонтьева 1928 г.: «Форма связей, которые существуют между отдельными элементами хозяйственного события, является единственно возможной формой реальной связи, а именно причинной. В процессе производства одни [элементы] порождаются посредством других, чтобы те, в свою очередь, использовались в течение дальнейшего производства, превращались в потребленные. С точки зрения большинства теорий этот процесс, однако, заканчивается в акте так называемого конечного потребления. Для того чтобы иметь возможность добыть несколько основных понятий, мы хотим пока избежать этого спорного вопроса и остановиться сначала на сфере “непосредственного” производства в самом узком смысле слова» (Физиократы..., 2008, с. 939)². Кроме того, понимание Кур-

¹ «Сама... мысль об исчерпывающем разрешении данной проблемы [рынка и кризисов] противоречит степени методологического развития политической экономии... Осознать степень вероятности добытой истины, ее логической обязательности, достигнуть прозрачности в понимании как значения добытых результатов непрерывно развивающейся научной мысли, так и дальнейших методологических путей, обязательных и необходимых для искания научной истины, — является лозунгом экономической мысли XX века. Такая осознанность представляется в настоящее время необходимым условием научного прогресса...» (Курской, 1916, с. 71).

² Далее Леонтьев так решает проблему «конечного потребления»: «...кажется, что коллизия... заключена между техническим и экономическим (wirtschaftlichen) подходами к рассмотрению проблемы. Фактически в этом пункте экономическая теория обычно обращается за помощью к своей специфической точке зрения. Здесь выступает понятие ограниченности, различие хозяйственных и хозяйственных благ и т. д. Это переклочение на совершенно новую колею, по видимому, не будет для нас необходимым. Нужно попытаться избежать всякой трещины [в аргументации] и разрешить кажущийся полностью противоречивым вопрос на почве объективного факта» (Физиократы..., 2008, с. 940). «Всю систему хозяйственных отношений наглядно можно

ским отраслевой структуры экономики также обнаруживает эволюцию от Туган-Барановского к точке зрения Леонтьева на проблему концентрации 1925—1927 г.¹

В-третьих, если принять во внимание последующий переход Курского к критике схем воспроизводства Туган-Барановского (за «пропорциональное деление с произвольными заданиями») и его теории рынка в целом (за стихийность в смысле игнорирования «реальной потребности»), становится понятной структура его работы: она аналогична структуре «Экономических очерков» Дмитриева. Тогда производственная модель Курского с точки зрения логики изложения вполне естественно занимает место Дмитриевской модели полных затрат труда (Дмитриев, 2001, с. 57—59). На этом пути открывается вторая, заключенная в *критике*, причина отсутствия ссылок на фразы Туган-Барановского относительно «угля и железа» непосредственно перед моделью.

Если иметь в виду воспроизводственную традицию в целом, то самым естественным выглядит сопоставление модели Курского со схемой «затраты—выпуск» В. Леонтьева; менее очевидна связь его построений с мировоззрением Дмитриева; и совсем неисследованным представляется вопрос о том, в каком отношении его схема «безостановочного развития отраслей производства» стоит к «Производству товаров посредством товаров» Сраффы. Целесообразно поэтому рассмотреть эти три отношения отдельно в порядке нарастания сложности.

2.1. Модель Курского и схема «затраты—выпуск» Леонтьева

В своем исходном виде производственная система описывается так²:

Железодельная промышленность	Каменноугольная промышленность
Затраты	Затраты
X пудов каменного угля	Z пудов каменного угля
Y пудов железа	K пудов железа
Выпуск	Выпуск
4Y пудов железа	5Z пудов угля

Поскольку Курской явно задает технические соотношения между отраслями, а именно — в его обозначениях и нумерации условий: 1) $\frac{K}{5Z} = \frac{1}{10}$; 2) $\frac{Z}{5Z} \equiv \frac{1}{5}$ (чистый продукт в производстве угля); 3) $\frac{X}{4Y} = \frac{2}{1}$; 4) $\frac{Y}{4Y} \equiv \frac{1}{4}$ (чистый продукт в производстве железа), эти соотношения можно интерпретировать как «техни-

представить как длинную дорогу, которая описывает широкий круг и возвращается к исходному пункту. На всем протяжении она разветвляется на большое количество более мелких путей, которые частично снова объединяются в различных комбинациях, частично, однако, уходят совершенно в сторону. Исследователь принимает во внимание только те направления, которые делают возможным круговое движение. Таким образом, предлагается возможность избежать пропасти между «техническим» и «экономическим» способами рассмотрения» (Физиократы..., 2008, с. 941).

¹ «Вопрос о развитии общего перепроизводства из частичного перепроизводства в теории Туган-Барановского является мало разработанным. Туган-Барановский исходит из отдельных отраслей в целом и противопоставляет их друг другу; между тем каждая отрасль не есть внутреннее объединенное целое и распадается на ряд конкурирующих *частно-хозяйственных* предприятий» (Курской, 1916, с. 55 сн.).

² Курской формулирует технические соотношения между отраслями: требуется 1) 1 пуд железа для производства 10 пудов каменного угля, 2) 1 пуд каменного угля для производства 5 пудов каменного угля, 3) 2 пуда каменного угля для производства 1 пуда железа, 4) 1 пуд железа для производства 4 пудов железа (Курской, 1916, с. 18—19).

ческие коэффициенты» Леонтьевской схемы «затраты—выпуск»¹. Тогда матрица технологических коэффициентов будет выглядеть: $A = \begin{bmatrix} 1/4 & 1/8 \\ 1/2 & 1/5 \end{bmatrix}$; соответствующая ей $(E - A)^{-1} = \begin{bmatrix} 1,488 & 0,233 \\ 0,93 & 1,395 \end{bmatrix}$. Решение можно записать в виде: $X = (E - A)^{-1}Y$, где Y — вектор конечного спроса. Получим: $\begin{cases} x_Y = 1,488y_1 + 0,233y_2 \\ x_Z = 0,93y_1 + 1,395y_2 \end{cases}$, где x_Y — выпуск отрасли, производящей железо, и x_Z — выпуск отрасли, производящей каменный уголь.

Третье уравнение модели Курской задает в виде: $\frac{5Z}{4Y} = \frac{X + Z}{Y + K}$. Найденные значения элементов матрицы $(E - A)^{-1}$ позволяют, не усложняя решение системой уравнений, непосредственно сформулировать это условие в виде (имеем в виду отрасль, производящую железо): $\frac{x_Y}{x_Z} = \frac{1,488y_1 + 0,233y_2}{0,93y_1 + 1,395y_2} = \frac{2,418y_1}{1,628y_2} = 1,4852 \frac{y_1}{y_2}$. Число 1,4852 есть результирующий коэффициент при валовом продукте «железной» отрасли; если задать в качестве начального условия $Y + K = 100$ ед., как это делает Курской, то в конце периода будем иметь железа $1,4852 \times 100 = 148,52$ ед. Темп прироста $(1 + r)$ валового продукта железнотельной отрасли равен $48,52\%$.

Далее, по условию валовый продукт «железной» отрасли равен $4Y$; отсюда находим другие основные параметры отрасли: $Y = 0,25 \times 1,4852 = 0,3713$, $X = 8Y = 8 \times 0,3713 = 2,9704$ (объем угля, потребляемого «железной» отраслью). Если к началу производственного процесса имелась 1 единица железа, то в отрасль, производящую каменный уголь, должна поступить часть в размере $K = 1 - 0,3713 = 0,6287$ ед. Тогда находим основные параметры «угольной» отрасли: $Z = 2K = 2 \times 0,6287 = 1,2574$ ед., $X + Z = 2,9704 + 1,2574 = 4,2278$ ед. (т. е. общее количество угля, потребляемого в двух отраслях)³; $5Z = 5 \times 1,2574 = 6,287$ единиц общего выпуска (угля) в угольной отрасли.

Второй период начинается с $Y_1 = 1,4852$ ед., тогда валовый продукт $Y = 1,4852 \times 1,4852 = 2,2058 = 4Y_2$, откуда $Y_2 = 0,25 \times 2,2058 = 0,5514$ ед.⁴ Тогда $X = 4Y_2 \times 2 = 4,4116$ ед. В отрасль, производящую каменный уголь, пойдет железа: $1,4852 - 0,5514 = 0,9338$ ед.⁵ Тогда $Z_2 = 2K_2 = 2 \times 0,9338 = 1,8676$ ед., $X_2 + Z_2 =$

¹ В более общем плане сходство модели Курского со схемой Леонтьева получается потому, что для методологии «затраты—выпуск» задача на установление определенных «заданий» и соответственное вычисление необходимых объемов выпусков продукции отраслей является типичной (Гранберг, 2006, с. 21).

² r — аналог нормы прибыли в отрасли. (Все расчеты мы производим, исходя из данной первоначально одной единицы железа, т. е. из условия $Y + K = 1$, и только в конце расчетов умножаем результаты на 100.)

³ Здесь у Курского (Курской, 1916, с. 19) опечатка: написано 432,78 (изначально он берет не 1 единицу железа, а 100).

⁴ Курской сначала получил значение 55,05, заново решив систему при $Y + K = 148,52$; но это значение менее точно, чем наше. Остальные числа он вычислил умножением 55,05 на 4 и 8.

⁵ И опять это значение точнее, чем значение Курского: 93,47 (Курской, 1916, с. 20). Наши отношения: $\left(\frac{Y}{K}\right)_1 = \frac{0,3713}{0,6287} = 0,59058$, $\left(\frac{Y}{K}\right)_2 = \frac{0,5514}{0,9338} = 0,59049$ лучше удерживают коэффициент

ент $\frac{Y}{K}$, чем то получилось у Курского; у него во втором периоде: $\left(\frac{Y}{K}\right)_2 = \frac{55,05}{93,47} = 0,58895$.

= 4,4116 + 1,8676 = 6,2792 ед., и, наконец, валовый выпуск каменноугольной отрасли во втором периоде: $5Z_2 = 5 \times 1,8676 = 9,338$ ед.¹ Таким образом, развитие схемы исчерпывающим образом показано, и все числа, приводимые Курским в своей брошюре (Курской, 1916, с. 19–20), воспроизведены и проверены. (Поскольку он изначально принимал $Y + K = 100$, все наши числа можно при желании умножить на 100.)

Любопытно, что А. А. Белых, ранее нас исследовавший эту модель и сделавший правильный общий вывод², отметил, что матрица Курского $(E - A)^{-1}$ является продуктивной (это верно), но исходную матрицу A записал в виде: $\begin{pmatrix} 1/4 & 0,1 \\ 1/2 & 1/5 \end{pmatrix}$ ³. Проверив соответствующую $(E - A)^{-1}$, получим: $(E - A)^{-1} = \begin{pmatrix} 1,455 & 0,182 \\ 0,909 & 1,364 \end{pmatrix}$, откуда $\frac{1,455 + 0,909}{0,182 + 1,364} = \frac{2,364}{1,546} = 1,5291$ (вместо 1,4852), и $Y = 0,25 \times 1,5291 = 0,3822$, что отличается от надлежащего $Y = 0,3713$ примерно на 2,94%. Это значительное расхождение для начальной точки отсчета в модели, учитывая, что валовый выпуск в «железной» отрасли в конце 1-го периода отличается уже на $\left[\frac{1,5291}{1,4852} - 1 \right] \times 100\% = 2,955\%$; для валового продукта каменноугольной отрасли это расхождение составляет 1,764% в сторону занижения, по причине недополученного отраслью железа.

2.2. Модель Курского и «Экономические очерки» Дмитриева

Если сравнивать модель Курского с моделью полных затрат труда Дмитриева из его первого очерка, посвященного теории ценности Д. Рикардо, то можно убедиться, что они не транслируемы друг в друга, даже несмотря на понимание «технической пропорциональности» как «соотношения количеств промежуточных благ, необходимых для получения данного конечного блага» (Курской, 1916, с. 17–18). В модели Курского нет затрат труда, а одних технических коэффициентов, задающих межотраслевые пропорции, недостаточно. Принимая в расчет еще и тот факт, что Курской не сделал ссылки на «Очерки» Дмитриева в списке литературы, нужно более решительно, чем то делает Белых⁴, сделать вывод о незнакомстве Курского с Дмитриевским текстом.

Тем не менее ряд его утверждений очень близок мировоззрению Дмитриева. Во-первых, он придерживался той точки зрения, что наряду с пониманием ценности как исторической категории, т. е. как исторической формы проявления

¹ И опять эта цифра точнее, чем 934,7. Отношение $\frac{X+Z}{5Z}$ у нас удерживается лучше: для первого периода оно одинаково $\frac{4,2278}{6,287} = 0,67246$; во втором у нас $\frac{6,2792}{9,338} = 0,67243$, у Курского: $\frac{440,40 + 186,94}{934,7} = 0,67116$.

² «Несомненно... то, что он [Курской] первым построил межотраслевой баланс для экономики, состоящей из двух отраслей, нашел решение соответствующей системы уравнений и рассчитал размеры выпуска продукции за несколько периодов производства. Для того времени [периода до начала 1920-х гг.] это было замечательным достижением» (Белых, 1995, с. 76).

³ Она отличается от нашей элементом a_{12} , который был получен, видимо, из 1-го условия Курского, что требуется «1 пуд железа для производства 10 пудов каменного угля» (Белых, 1995, с. 75; Курской, 1916, с. 18).

⁴ «Трудно сделать вывод о том, в какой степени Л. В. Курской (!) был знаком с идеями В. К. Дмитриева и находился под их влиянием» (Белых, 1995, с. 75–76).

закона необходимости распределения общественного труда в известных пропорциях (по Марксу), «настоятельной потребностью являлось бы предварительное изучение этого закона как логической категории, изучение элементов хозяйственного плана и их определенного сочетания...» (Курской, 1916, с. 26—27 сн.). Эту задачу, по его мнению, решает трудовая теория ценности, и Курской вполне заслуженно видел свой вклад в ее разработку, имея в виду свою модель: «такая попытка сделана нами в 1-ой главе этой работы»¹.

Во-вторых, Курской стоит на позициях «органического синтеза» трудовой теории ценности и теории предельной полезности, считая первую недостаточной. «Трудовая теория ценности, абстрагируя[сь] от конкретной действительности, имеет вид одного только из элементов необходимого хозяйственного плана; действие же других элементов игнорирует, предполагая равенство полезности продуктов. Но абсолютно элемент полезности не отбрасывается: с точки зрения этой теории труд, затраченный на производство бесполезной вещи, является бесполезным, и потому не образует ценности. Ввиду таких научных заданий выводы этой теории правильны и логически необходимы только в известной ограниченной абстрактной области. Она выясняет, таким образом, лишь один из факторов образования ценности. Австрийская школа исходит в своем исследовании из другого элемента необходимого хозяйственного плана: потребности и полезности продукта. Игнорируя труд, она также суживает границы логической обязанности своих выводов и выясняет лишь *действие другого фактора образования ценности*» (Курской, 1916, с. 27 сн.). Но вариант «синтеза» Туган-Барановского его не устраивает как по причине того, что тот сводится к закону Госсена, т. е. к изолированному индивидуальному, а не общественному хозяйству², так и потому, что делает акцент на «накоплении для накопления как самоцели» без привязки к реалиям действительной хозяйственной жизни³.

В-третьих, Курской исследует вопрос динамики трудовых производительных сил в капиталистическом хозяйстве, рассматривая четыре случая, когда: 1) «граница использования производительных сил в потребительных целях настолько узка, что всякий освободившийся вследствие технического прогресса общественный труд необходимо будет затрачивать в целях накопления для накопления»; 2) «освободившийся общественный труд возможно распределить в капиталистическом хозяйстве только при условии, что известная, относительно постоянная, часть должна быть предназначена для накопления вне связи с потреблением»; 3) «освобождающийся общественный труд в исторически развивающемся капиталистическом хозяйстве распределяется так, что доля, предназначенная для сферы производства средств производства, как самоцель, относительно растет и стремится в пределе к первому случаю»; 4) «прирост общественного труда распределяется так, что указанная доля падает, т. е. капиталистическое хозяйство беспрерывно совершенствуется» (Курской, 1916, с. 39—40).

¹ Он мыслит трудовую теорию как абстрактную логическую конструкцию. «С этой [трудо]вой точки зрения ценность есть функция логически и исторически необходимых элементов нормального хозяйственного плана (совокупности потребностей, которые возможно удовлетворить, значения каждой потребности, количества общественного труда, производительности труда в соответствующих отраслях и специфических капиталистических элементов — заработной платы и прибыли). Цена есть функция таких же элементов фактически существующего хозяйственного плана» (Курской, 1916, с. 27 сн.).

² Курской проницательно замечает: «Интересно было бы вскрыть, какая теория ценности логически лежит в основе теории рынка и кризисов Туган-Барановского, и не является ли последняя противоречивой сравнительно с развитой в его курсе “Полит[ической] экон[омии]” (“Основы полит[ической] экон[омии]” Туган-Барановского) теорией ценности» (Курской, 1916, с. 56 сн.).

³ Этот аргумент против такого — по мысли Туган-Барановского — «слепого» поведения капиталистов, стремящихся к накоплению (в ущерб собственному потреблению) даже тогда, когда норма прибыли снижается значительно, выдвигался и Г. Харазовым (Charasoff, 1910, s. 165—166).

Случаи 1 и 3 допускают существование производства средств производства как самостоятельной и автономной сферы в капиталистическом хозяйстве. Из этих случаев, как пишет Курской, «вытекали бы очень интересные логические выводы: развитие капитализма могло бы привести к такому моменту, когда для капиталистического класса в целом увеличение его благосостояния оказалось бы возможным только при условии уничтожения капиталистических отношений и организации хозяйства на общественных началах. Такое положение наступило бы, если бы количество потребительных продуктов, вырабатываемое при капиталистической организации хозяйства в среднем на одного капиталиста, было менее того количества, которое могло бы быть получено в среднем на 1[-го] человека при другой, например, социалистической организации хозяйства» (Курской, 1916, с. 40). Эти рассуждения согласуются с результатами модели Дмитриева в первом очерке, когда он приходит к анализу экономики, в которой отсутствует рынок труда и норма прибыли равна нулю (Дмитриев, 2001, с. 91—94).

В-четвертых, Курской, как и Дмитриев, скептически настроен в отношении теории кризисов Туган-Барановского. Общих причин несколько. Одна из них заключена в том, что этой теории «недостает выдержанности с точки зрения принятого абстрактного метода. Необходимость искать причины периодичности промышленных кризисов в отраслях производства средств производства выводится не абстрактно логическим анализом, а указанием на отдельные стороны фактической истории промышленных кризисов» (Курской, 1916, с. 70; ср.: Дмитриев, 2001, с. 234—242). Другая причина лежит в необходимости признания положений теории полезности при построении этой теории, и здесь можно видеть, что Курской воспринял идеи М. Бунятына¹, которые вместе с рядом идей Дмитриева и Первушина, высказанных в 1909—1912 гг., составляли в 1910-х гг. оппозицию объективистской теории Туган-Барановского и позже, уже в 1920-х, Н. Д. Кондратьеву. Третья причина связана с тем, что теория кризисов сама по себе сильно осложняется благодаря влиянию денежного обращения (Дмитриев, 2001, с. 242). Курской отмечает: «Туган-Барановский не дает нам объяснения возможности нарушения пропорционального распределения производства как следствия недостатка денежного капитала. Такого объяснения и не может быть, оно логически невозможно, так как недостаток денежного капитала подразумевает уже создавшееся непропорциональное распределение производства... Эта непропорциональность создавалась как результат излишка денежного капитала, который имел место в начале подъема и задержал темп развития золотопромышленности» (Курской, 1916, с. 62—63).

2.3. Модель Курского и «Производство товаров посредством товаров» Сраффы

Уже отмечалось, что при переходе от своей 1-й схемы (простого) воспроизводства ко 2-й, моделирующей накопление капитала, Туган-Барановский вместо подразделения товаров на «базисные» и «небазисные» ввел условие пропорциональности. Этот момент, который становится очевидным при сравнении

¹ «Даже если признать возможность безграничного развития сферы производства средств производства, интерес изучения промышленных кризисов с точки зрения общественно-потребительной пропорциональности несколько не может ослабеть: 1) потому что эта сфера сложнее, в смысле создания равновесия, чем область производства средств производства и, значит, может иметь самостоятельные причины промышленных кризисов; 2) нет оснований предполагать, что периодически-освобождающийся в этой сфере общественный труд, который не может быть затрачен на увеличение потребления, будет проникать в сферу производства средств производства *эластично*, без хозяйственных потрясений» (курсив мой. — П. К.) (Курской, 1916, с. 69; ср. также ссылку на книгу Бунятына в списке литературы, с. 73). У Дмитриева в третьем очерке «Теория предельной полезности» тоже идет речь об эластичности потребностей (Дмитриев, 2001, с. 282).

схем Туган-Барановского и Сраффы, был замечен и Курским, утверждавшим, что «такое допущение... эластичности перехода от схемы 1-ой к схеме 2-ой конкретной действительности... является *совершенно произвольным положением* в построениях Т[уган]-Барановского»¹. В модели Курского оба производящихся товара — железо и каменный уголь — являются базисными; более того, сформулированное им условие «беспереывного сохранения взаимной пропорциональности в целях затраты всего выработанного продукта для дальнейшего продукта»

$\frac{5Z}{4Y} = \frac{X+Z}{Y+K}$ несет у Сраффы основную смысловую нагрузку при конструировании стандартного товара (неизменной меры стоимости) и служит условием существования «стандартной системы» (Сраффа, 1999, с. 50—54, § 23—29). Поэтому представляет интерес переформулировать модель Курского в терминах сраффианской производственной схемы.

Начнем с того, что зададим структуру производства. Из четырех условий, формулируемых Курским следует, что

$$\begin{cases} 1Y + 8z \rightarrow 4Y \\ 1Y + 2z \rightarrow 10Z \end{cases} \quad (1)$$

Эта структура описывается следующей системой уравнений:

$$\begin{cases} (p_Y + 8p_Z)(1 + r) = 4p_Y \\ (p_Y + 2p_Z)(1 + r) = 10p_Z \end{cases},$$

где p_Y — цена железа, p_Z — цена угля, r — норма прибыли в их производствах. Легко заметить, что система производит излишек только в отрасли, производящей железо: $1Y + 1Z < 4Y$. Добавляя еще одно уравнение, нормирующее чистый продукт системы, имеем: $(4 - 1 - 1)p_Y + (10 - 8 - 2)p_Z = 1$, откуда сразу следует $p_Y = \frac{1}{2}$. Подставляя это значение в основную систему, получим:

$$\begin{cases} \left(\frac{1}{2} + 8p_Z\right)(1 + r) = 4 \times \frac{1}{2} \\ \left(\frac{1}{2} + 2p_Z\right)(1 + r) = 10p_Z \end{cases}.$$

Решая ее относительно p_Z и Y , в итоге получаем: $p_{Z_{1,2}} = \frac{-1 \pm \sqrt{321}}{160}$, т. е. $p_Z = \frac{\sqrt{321} - 1}{160} = 0,1057$ и соответствующее этому корню $1 + r = \frac{4}{1 + \frac{\sqrt{321} - 1}{10}} = \frac{4}{2,691647} = 1,48607$. Это значение отличается от полученного нами по методу Леонтьева 1,4852 всего на 0,058%. Очевидно, если вспомнить матрицу технологических коэффициентов $A = \begin{bmatrix} 1/4 & 1/8 \\ 1/2 & 1/5 \end{bmatrix}$, можно увидеть, что полученные значения меновых стоимостей $p_Y = \frac{1}{2}$ и $p_Z = 0,1057$ соответствуют ее элементам a_{12}

¹ Курской разъясняет: «А между тем, при признании такого положения правильным, отпадает необходимость для М. Т[уган]-Барановского исследования вопроса о постепенном образовании и нарушении различных конкретно существующих видов пропорциональности. При отсутствии такого исследования условие правильности положения — новый товар создает и новый спрос — получает очень узкий характер исключительно технической пропорциональности» (Курской, 1916, с. 54).

и a_{21} , так как показывают требуемые пропорции затрат каменного угля в желе-
зодельной отрасли, и железа — в каменноугольной.

Теперь подойдем к решению задачи с другой стороны — сконструируем стан-
дартную систему из указанной системы (1). Эта задача сводится у Сраффы к на-
хождению разрешающих множителей q_1, q_2 , приводящих систему к виду, когда
отношение объемов затрат по отраслям было бы равно отношению их выпус-
ков¹. В нашем случае с двумя отраслями достаточно искать q_1 , а $q_2 = 1$; имеем не-
обходимую и достаточную систему соотношений (Сраффа, 1999, с. 57—58, § 33)²:

$$\begin{cases} (1 \times q_1 + 1 \times q_2)(1 + r) = 4q_1 \\ (8 \times q_1 + 2 \times q_2)(1 + r) = 10q_2 \end{cases} \quad (2)$$

Из нее получаем основное уравнение: $\frac{1 + q_1}{1 + 4q_2} = \frac{4}{5}q_1$, решая которое получа-
ем: $q_1 = \frac{1 \pm \sqrt{321}}{32}$ и экономически осмысленное решение: $q_1 = \frac{1 + \sqrt{321}}{32} =$
 $= 0,591139$, которое у Курского фигурирует явно в качестве искомого выраже-
ния $\frac{Y}{K}$ (Курской, 1916, с. 19). Таким образом, искомый Курским коэффициент
распределения исходного количества свободного ресурса $Y + K = 100$ есть не что
иное, как сраффианский разрешающий множитель, приводящий систему
к стандартному виду.

Далее имеем: $1 + R = \frac{4q_1}{1 + q_1} = \frac{2,364759}{1,591139} = 1,48620$, что больше полученного
ранее 1,4852 всего на 0,67%. «Стандартная система» выглядит так:

$$\begin{pmatrix} 0,591139 & 0,591139 \times 8 \\ 1 & 2 \end{pmatrix} \begin{pmatrix} Y \\ Z \end{pmatrix} (1 + R) = \begin{pmatrix} 0,591139 \times 4Y \\ 10Z \end{pmatrix} \quad (3)$$

Отношение, в котором железо и каменный уголь входят в стандартный чис-
тый продукт, равно: $\frac{1 + 1,591139}{1,591139 \times 8 + 2} = \frac{1,591139 \times 4}{10} = \frac{1}{1,48620} = 0,67285$. Вид-
но, что Курской хитро составил систему, допустив ее исходный рост только в от-
расли, производящей железо (не случайно было задано $Y + K$); поэтому мы
ранее поступили правильно, отталкиваясь при исследовании производственной
динамики отраслей от величины 1,4852. Тем не менее, если принять новое значе-
ние для максимального роста 1,48620, то соответственно: $Y = 0,37155$, $K = 0,62845$;
тогда итоговый рост железнодельной отрасли будет на 0,67% выше, а камен-
ноугольной (6,2845) — на 0,039% ниже полученных нами ранее значений; и по-
лучается, что однозначного предпочтения той или другой комбинации ресурсов
в принципе дать нельзя, так как мы не знаем относительной потребности обще-
ства в том и другом продукте³. Но и без знания системы потребительских пред-
почтений можно осознать: основные расчетные параметры, полученные Кур-
ским, указывают на то, что он построил «стандартную систему» (в смысле
Сраффы), только без участия живого труда; и вполне сознательно дал интерпре-

¹ Это условие, как уже указывалось, аналогично условию Курского: $\frac{5Z}{4Y} = \frac{X + Z}{Y + K}$ (Курской,
1916, с. 19).

² R — максимальная норма прибыли или, в нашем случае, — максимальный темп роста произ-
водственных отраслей при заданных пропорциях ресурсов между ними.

³ Но если учесть, что железнодельная отрасль является первичной, то полученное решение
выглядит технологически более предпочтительным.

тацию R как максимального темпа роста производственной системы при оптимальном $\frac{Y}{K} = 0,591139$. Сраффа же с помощью явно введенных в систему затрат живого труда продолжил исследование проблемы «неизменной меры стоимости» и редукции средств производства к датированным количествам труда (Сраффа, 1999, с. 54–58, 66–68, 69–76, § 29–34, 43, 45–49).

Заметив далее, что 4-е уравнение Курского $Y + K = 100$, кроме цели замыкания системы, служит лишь целям нормировки и задания начального уровня производственной динамики, возьмем за основу его основное уравнение:

$$\frac{5Z}{4Y} = \frac{X + Z}{Y + K}. \quad (4)$$

Обозначим $\frac{X}{Y} = a$, $\frac{Z}{K} = b$ и будем искать искомое отношение $\frac{Y}{K} = H$;

для этого разделим левую и правую части уравнения (4) на K ; тогда будем иметь:

$$\frac{5b}{4} \frac{1}{H} = \frac{aH + b}{H + 1} \text{ или: } 4aH^2 - bH - 5b = 0. \text{ Решениями этого квадратного уравнения}$$

будут: $H_{1,2} = \frac{b \pm \sqrt{b^2 + 80ab}}{8a}$. Обозначая $L = \frac{a}{b}$, получим: $H_{1,2} = \frac{1 \pm \sqrt{1 + 80L}}{8L}$,

откуда видно, что будет наблюдаться только один положительный корень

$H = \frac{1 + \sqrt{1 + 80L}}{8L}$, который и есть искомое решение. В задаче Курского (Курской, 1916, с. 19) $L = \frac{a}{b} = \frac{X/Y}{Z/K} = \frac{8/1}{2/1} = 4$; в таком случае мы приходим к своему

прежнему решению $H = \frac{1 + \sqrt{1 + 80 \times 4}}{8 \times 4} = 0,591139$.

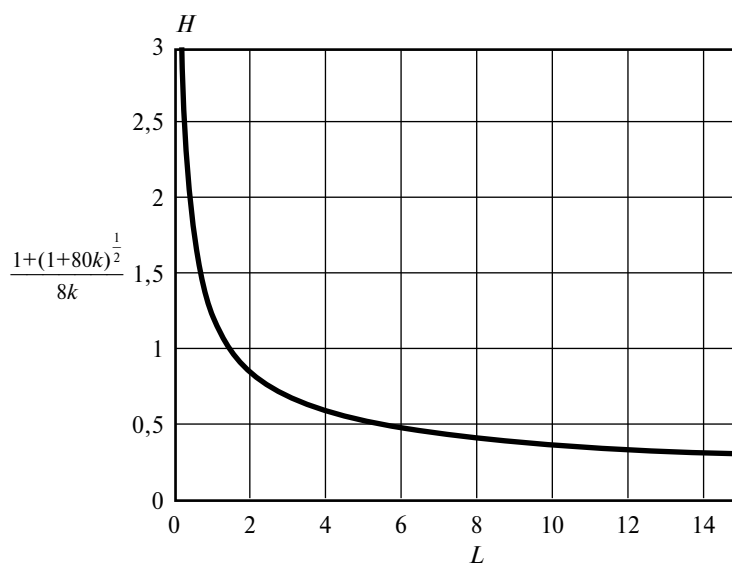
В полученном нами ранее результате $4Y = 1,4852$ отношение $\frac{Y}{K} = \frac{0,3713}{0,6287} = 0,59058$; оно отличается от $0,591139$ на $0,094\%$. Соответствующее ему L можно

получить из уравнения: $\frac{1 + \sqrt{1 + 80L}}{8L} = 0,59058$, оно равно: $L = 4,00718$, т. е. немногим выше 4. Получается, что сокращение L ведет к росту H и к снижению темпа роста отрасли, производящей железо.

Действительно, полученное соотношение $H(L)$ позволяет в общем случае построить график этой функции (рис. 1).

Поскольку $L = \frac{a}{b} = \frac{X}{Y} \left(\frac{Z}{K}\right)^{-1}$, то L оказывается результирующим показателем, измеряющим степень насыщенности 1-й отрасли продуктом 2-й; но тогда сохранение $L = \text{const}$ ($= 0,591139$) на протяжении многих периодов производства не представляется таким уж реалистичным. Здесь становится важной относительная потребность хозяйства в данном продукте по мере роста отрасли, ее производящей; т. е. проблема в конечном счете состоит в том, какой продукт является более «базисным» в капитализирующейся экономике — железо или каменный уголь. Судя по историческому развитию хозяйства, таким продуктом

в большей степени является железо. Однако тогда $\frac{X}{Y}$ за счет относительного

Рис. 1. График функции $H(L)$

роста Y по сравнению с X снижается, в то время как $\frac{K}{Z}$ растет в результате процесса «межотраслевой диффузии» железа и капитализации других отраслей. В итоге можно предполагать понижательную динамику L и соответственное движение по кривой влево вверх на рис. 1; тогда даже в отсутствие сведений об «общественно-потребительной пропорциональности» (в период «грюндерства» последняя, кстати, не так уж и важна) на левом участке кривой просматривается предел «технологической эффективности» системы и шире предел определенного технологического уклада. Заманчиво было бы также связать тенденцию к сокращению L (и соответственно, росту H) с падением темпов экономического роста, например, с $1 + R = 1,48620$ до первого нашего значения $1 + r = 1,4852$, но для этого модель Курского не дает нам достаточных данных, оставляя, впрочем, возможность мыслить такое возможное падение в рамках аргумента о все возрастающей норме технологического замещения ресурсов.

Источники

- Белых А. А.* Анализ развития экономико-математических исследований в России (60-е годы XIX в. — 60-е годы XX в.: дис. ... докт. экон. наук. СПб., 1995.
- Бернштейн Н.* Теория рынка Карла Маркса и М. И. Туган-Барановского // Вопросы обществоведения. СПб., 1911. Вып. III.
- В. И. Борткевич, А. А. Чупров. Переписка (1895—1926) / сост. О. Б. Шейнин. Берлин, 2005.
- Бунятян М. А.* Экономические кризисы. М., 1915. Вопросы обществоведения. СПб., 1911. Вып. III.
- Гиришельд В.* Теорема о пропорциональности предельных полезностей благ их трудовым стоимостям // Вопросы обществоведения. СПб., 1910. Вып. II.
- Гранберг А. Г.* Жизненный и творческий путь Василия Леонтьева // *Леонтьев В.* Избранные произведения. В 3 т. М., 2006. Т. 1.
- Дмитриев В. К.* Новый русский трактат по теории политической экономии (М. И. Туган-Барановский. Основы политической экономии. СПб., 1909) [Рец. на кн.] // Русская мысль. 1909. № 11.
- Дмитриев В. К.* Новый опыт «решения» проблемы распределения (С. И. Солнцев. Заработная плата как проблема распределения. СПб., 1911) [Рец. на кн.] // Русская мысль. 1912. № 3. С. 9—14.
- Дмитриев В. К.* Экономические очерки. М., 2001. С. 57—59.
- Историки экономической мысли России: В. В. Святловский, М. И. Туган-Барановский, В. Я. Железнов / под ред. М. Г. Покидченко, Е. Н. Калмычковой. М., 2003.

- Клюкин П. Н. Поворот к физиократической метафизике (к 250-летию «Экономической таблицы» Ф. Кенэ) // Физиократы. Избранные экономические произведения. М., 2008а.
- Клюкин П. Н. Кризисов теория // Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г. Энциклопедия. М., 2008б.
- Кондратьев Н. Д. М. И. Туган-Барановский (Основные черты его научного мировоззрения). Пг., 1923.
- Кондратьев Н. Д. Суздальские письма. М., 2004.
- Курской Л. В. Теория рынка и промышленных кризисов М. И. Туган-Барановского. М., 1916.
- Леонтьев В. Хозяйство как кругооборот // Физиократы. Избранные экономические произведения. М., 2008.
- Леонтьев В. Избранные произведения. В 3 т. М., 2006. Т. 3.
- Миллер В. Теория рынка Сэ—Рикардо // Вопросы обществоведения. СПб., 1911. Вып. III.
- Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения. Избранное. М., 2007.
- Сраффа П. Производство товаров посредством товаров. М., 1999.
- Столяров Н. А. Аналитическое доказательство предложенной г. М. И. Туган-Барановским политико-экономической формулы: предельные полезности свободно произведенных продуктов пропорциональны их трудовым стоимостям. Киев, 1902.
- Туган-Барановский М. И. Социальная теория распределения. СПб., 1913.
- Физиократы. Избранные экономические произведения. М., 2008.
- Форберт Л. Учение Бэм-Баверка о происхождении дохода на капитал // Вопросы обществоведения. СПб., 1909. Вып. I.
- Чупров А. А. Рецензия на: Дмитриев В. К. Экономические очерки // Известия Санкт-Петербургского политехнического института. СПб., 1905. Т. 1. Вып. 3—4.
- Шапошников Н. Н. Теория ценности Бем-Баверка // Приложение к журналу «Вестник права». М., 1906. № 6.
- Шапошников Н. Н. Основы политической экономии М. И. Туган-Барановского [Рец. на кн.] // Критическое обозрение. М., 1909. Вып. V.
- Шапошников Н. Н. Теория ценности и распределения. М., 1912.
- Швигтау Г. Г. О выборочном методе в статистике // Вопросы обществоведения. Вып. II. СПб., 1910.
- Bortkiewicz L. von. Der Kardinalfehler der Böhm-Bawerkschen Zinstheorie // Schmollers Jahrbuch. 1906a. Bd. 30.
- Bortkiewicz L. von. Wertrechnung und Preisrechnung im Marxschen System // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. 1906b. Bd. 23. H. 1.
- Bortkiewicz L. von. Zur Zinstheorie. II: Entgegnung // Schmollers Jahrbuch. 1907a. Bd. 31.
- Bortkiewicz L. von. Wertrechnung und Preisrechnung im Marxschen System // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. 1907b. Bd. 25. H. 1, 2.
- Bortkiewicz L. von. Zur Berichtigung der grundlegenden theoretischen Konstruktion von Marx im dritten Band des «Kapital» // Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik. 1907c. Bd. 34.
- Charasoff G. von. Karl Marx über die menschliche und kapitalistische Wirtschaft. Eine neue Darstellung seiner Lehre. Berlin, 1909.
- Charasoff G. von. Das System des Marxismus. Darstellung und Kritik. Berlin: Hans Bondy, 1910.
- Oswalt H. Zur Zinstheorie. I: Zuschrift // Schmollers Jahrbuch. 1907. Bd. 31. S. 1281—1288.
- Schaposchnikoff N. Die Böhm-Bawerksche Kapitalzinstheorie // Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik. 1907. 3 F. Bd. 33. H. 4. S. 433—451.
- Sraffa P. Production of Commodities by means of Commodities. Cambridge, 1960.